

Тело как своеобразный фильтр соматических метафор (на материале русского, литовского и французского языков)

Rasa Matonienė¹, Jovita Ruseckaja²

- ¹ Lietuvos edukologijos universitetas, Filologijos fakultetas, Prancūzų filologijos ir didaktikos katedra, Studentų g. 39, 08106 Vilnius, rasa.matoniene@leu.lt
- ² Lietuvos edukologijos universitetas, Filologijos fakultetas, Rusų filologijos ir tarpkultūrinės komunikacijos katedra, Studentų g. 39, 08106 Vilnius, jovita.ruseckaja@leu.lt

Santrauka. Leksikoje ir frazeologijoje somatizmai yra vieni iš pagrindinių elementų, atliekančių informacijos, kuri lydi žmogų per visą jo gyvenimą, suvokimo funkciją. Todėl daugelyje kalbų yra nemažai įvairių somatizmų ne tik bendrinėje kalboje, bet ir frazeologizmuose. Frazeologizmų su somatizmais gausa ir įvairovė būdinga daugeliui indoeuropiečių kalbų, todėl aptinkama ne tik ekvivalentinių somatinių frazeologizmų, ypač baltų, slavų, romanų ir germanų kalbose, bet ir frazeologizmų su somatizmais skoliniais, kurie patvirtina esant tarpkalbinę sąveiką, ir bekvivalentinius somatizmus, parodančius tų kalbų konceptualizacijos specifiką.

Šiame straipsnyje nagrinėjamos somatizmų konceptualizacijos ypatybės rusų kalboje su daliniu lietuvių ir prancūzų atitikmenų įtraukimu. Analizuojami „frazeologiniai laukai“ koncepto „kūnas“, t.y. somatiniai frazeologizmai su komponentu „galva“, „ausis“, „akis“, „nosis“, „liežuvis“.

Esminiai žodžiai: somatizmai, konceptualizacija, frazeologinis laukas, mikrolaukas, rusų kalba, lietuvių kalba, prancūzų kalba.

Вводные замечания

Концепты, как известно, существуют и декодируются по-разному в зависимости от языковой культуры определенной языковой личности. Кроме того, если язык – это «зеркало человеческого духа» (Г. В. Лейбниц), то в нем, прежде всего, отражается «базовый» (Ю. С. Степанов) концепт. Более того, как отмечает О.

В. Евтушенко, «концепт опирается на некоторое множество образов, а их связь между собой, вероятно, описывается теорией метафоры» (Евтушенко, 2010). Следовательно, истинное знание, или концепт как идея, вернее само существование идеи реализуется посредством культурного опыта человека, смысл которого через слово и его значение (или понятие) отражается в отдельном концепте. В связи с этим, совокупность концептов, как отдельного человека, так и национального языка образует «концептосферу» или «концептуальную базу», которая отражается как в самой культуре, так и в языке (в его лексике, фразеологии, грамматике), которая также разделяется и принимается как врожденная носителями других языков. Таким образом, происходит процесс концептуализации окружающей действительности и язык потенциально является «заместителем» культуры, т.е. его „alter ego“ в целом. Наряду с данным процессом следует также отметить процесс фразеологизации, который в свою очередь тесно связан с семантическим избытком лексики, с надобностью сжатия одного из значений многозначного слова или усиления его экспрессии, поэтому образуются тематические группы на базе слов-символов, сравнений-эталонов, образов, реалий и т.п. Затем символизация, как отмечает М. Горды, является активным механизмом образования значений соматической фразеологии. В аспекте фразеологической мотивации в качестве символа может быть отдельный компонент (слово-символ), целостная ФЕ (ситуация-символ), а также компонент и/или ситуация (Hordy, 2007). Это присуще, как показывает материал, русскому, литовскому, польскому, французскому, немецкому и многим другим языкам. Более того, большинство исследователей отмечает, что особое место в системе фразеологии занимает именно соматическая фразеология. Так М. Горды считает, что «знания, получаемые через тело и фиксируемые соматической фразеологией, обнаруживают единство психической, душевной и телесной конституции человека» (Горды, 2002). Затем В. Дротвинас полагает, что из слов общего употребления в состав фразеологизмов чаще всего входят именно соматизмы (гр. *soma* «тело»). С точки зрения происхождения это слова, унаследованные из индоевропейской, балтийской и балто-славянской лексики, которые образуют ядро активной лексики современного языка (Drotvinas, 2009).

Так исследование фразеологического состава русских ФЕ с соматическими элементами на фоне литовских и французских ФЕ представляет значительный интерес, поскольку соматические элементы оказываются особо значимыми в системе понимания «мира души» через элементы «внешнего мира» человека, каждый из которых обильно концептуализируется во фразеологическом фонде национального языка. Так корпус соматических концептов, реализованных как в лексике, так и во фразеологии, является исходным для первичного и базового понимания реалий мира, отраженных в языковой сфере.

Следовательно, цель данного исследования состоит в том, чтобы представить и описать микрополя фразеологических единиц (далее ФЕ) русского языка, концеп-

туализирующие лингвокультуроцепт «тело» (soma), как своеобразный фильтр соматических (телесных) метафор, уподобляющих устройство мира, устройству тела человека, осуществив их анализ с учетом литовских и французских параллелей.

Для достижения целей нашего исследования мы используем термин «лингвокультуроцепт», который является семантическим ядром, объединяющим фразеологические единицы во фразеополе, под которым понимается корпус однородных по значению (синонимичных в разной степени) фразеологических единиц, структурированных как центр (ядро) и периферия (Киров, Русецкая, 2012).

В качестве объекта исследования выступает лингвокультуроцепт «тело», рассматриваемый в концептуализированном воплощении в русской фразеологии.

Предметом исследования является концептуализация соматических культурных стереотипов в русской фразеологии, рассматриваемой с привлечением литовской и французской фразеологии в качестве фонового материала.

Актуальность исследования определяется необходимостью многоаспектного рассмотрения базовых концептов и культурных стереотипов в языковой картине мира (ЯКМ) в когнитивно-лингвокультурологической парадигме знания, которая позволяет наиболее глубоко понять и объяснить культурные доминанты национальной психологии, реализующиеся в языковом поведении, как человека (языковой личности), так и языкового сообщества.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы, зафиксированные в известных фразеологических словарях русского языка (А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского; В. И. Зими́на; В. И. Мокиенко; А. И. Молоткова; В. Н. Телия, Н. М. Шанского), а также во фразеологических и соматических словарях литовского (Й. Паулаускаса (J. Paulauskas), Й. Липскене (J. Lipskienė)) и французского (В. Белякова (V. Béliakov), В. Гака (V. Gak)) языков.

Основным методом нашего анализа является полевой анализ фразеологических единиц, сущность которого сводится к классификации ФЕ по микрополям при параллельном их объединении в общее семантическое поле на базе центрирующего лингвокультуроцепта, тем самым образуя фразеополь.

О системе функционально-семантических полей пишет А. В. Бондарко в работе «Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка» (2002 г.), концепцию лингвокультурологического поля разработал В. В. Воробьев. Более того, по мнению В. В. Воробьева «семантическое поле в лингвистике становится одной из важнейших категорий, в которой системно и синтетически рассматриваются однородные по своему содержанию единицы. В этой категории высшего порядка не только отражается иерархическая структура фрагментов лексико-семантической системы, но и взаимосвязано представлены отношения частных традиционных категорий (синонимия, антонимия, конверсия и др.)» (Воробьев, 2008). В качестве примера фразеологического словаря, построенного по принципам полевой структуризации, можно привести Большой объяснительный

словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зими́на, - в данном словаре пословицы и поговорки объединены в поля типа «любовь», «семья», «родня» и т.д. (Зимин, 2006).

Методологическая база исследования включает в себя положение когнитивной науки, изложенной в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, О. Н. Селиверстовой, а также положения лингвострановедения и лингвокультурологии, разработанные В. Г. Костомаровым, Е. М. Верещагиным, В. В. Воробьевым и др.

Общеметодологическим основанием является признание общефилософского представления об определяющей роли условий жизни социума в формировании его миропонимания, которое отражается в формировании концептов, приобретающих «устройство» в ЯКМ в виде лексического и фразеологического фонда языка, а также его грамматической структуры.

Методика исследования опирается на лингвокультурологическую парадигму знания и когнитивную лингвистику. В данной работе используется методика фонового анализа (анализа материала русского языка на фоне соответствующих данных литовского и французского языков), которая относится к лингвострановедческому методу описания языка (и языков) в целом. Подчеркнем, что данная методика не имеет прямого соответствия сопоставительно-контрастивному анализу, поскольку ориентирована, в отличие от него, по преимуществу на сходство и обнаружение специфики на фоне другого языка – в интересах преподавания неродного языка. Целью использования данной методики является наиболее отчетливое проявление семантических особенностей фразеологизмов в русском языке на фоне литовского и французского языков. Данный вид анализа следует считать специфичным для лингвокультурологии, поскольку эффективное обучение русскому языку как неродному проводится на фоне и с привлечением родного языка обучаемых.

Научная новизна исследования состоит в том, что соматические (телесные) объекты оказываются исходными, базовыми, прототипическими конструктами, которые накладываются на объекты «вне тела» человека, так *«город видит»*, как видит человек, как у человека – *«у страха глаза велики»*; *голова состава*, *бок здания*, *нос корабля* и т.д. В этой связи описание соматизмов в ФЕ через призму соматической метафоризации (в рамках лингвокультурологической парадигмы знания и конструирования представлений о ментальных объектах) характеризует собою новизну предпринятого анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в описании концепта «тело» как базового для понимания высказываний о внутреннем и внешнем мире человека. К теоретически значимым следует также отнести формирование принципа описания картины мира с использованием лингвокультурологических концептов в качестве структурирующих лингвистическую картину мира смысловых центров семантического притяжения (подобно полюсам в многополярной системе).

Практическая ценность исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного при изучении менталитета русского народа. Данные, полученные в результате исследования, вносят вклад в лингвострановедение, а также в лингвокультурологию русского языка, соотношенную с концептом «тело».

Необходимо подчеркнуть, что весьма актуальным в лингвистике последнего времени является также проблематика, связанная с рассмотрением языковой картины мира, под которой обычно понимается совокупность знаний о действительности, которая абсорбируется в лексико-семантической системе языка. Однако языковая картина мира семантико-прототипически отражается не только в лексическом составе языка, но и наиболее образно во фразеологической системе языка, которая в сжатой и емкой форме отражает все базовые культурные концепты (после их абсорбции в языке – лингвокультуроцепты) языкового менталитета. Именно фразеологическая система формирует так называемую «наивную» (по терминологии Ю. Д. Апресяна) многовековой давности картину мира, которая воплощает в себе прошлое и нынешнее национальное обыденное общественное сознание, являющееся «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенческой передачи опыта» (Караулов, 1987). Некоторую параллель к обрисовке такой картины мира составляет реконструкция ЯКМ по собственным именам, частично по фамилиям.

Все сказанное позволяет предполагать, что соматизмы в лексике и фразеологии служат базовыми элементами для понимания информации, которая сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Стоит также отметить, что сама семантика лексемы *тело*, например, в Толковом словаре русского языка определяется как: «организм человека или животного в его физических формах, часть этого организма, исключая голову и конечности» (Ожегов, Шведова, 1999). В словаре литовского и французского языков *тело* определяется как «организм человека или животного» (лит.: „žmogaus ar gyvulio organizmas“) (режим доступа [http:// www.lkzd.lki.lt/Zodynas/Visas.asp](http://www.lkzd.lki.lt/Zodynas/Visas.asp)), (франц.: «organisme de l’homme, de l’animal») (Larousse, 2007). Следовательно, в настоящей статье мы принимаем понимание *тела* как организма человека или животного в его нормальной (здоровой) физической форме, поэтому телесные изменения в болезненных состояниях исключены из объекта нашего исследования. Затем соматизм мы определяем как наименование «части тела человека или животного».

Основная часть

Анализ человека говорящего приводит к мысли о том, что процесс языковой коммуникации устроен прототипически, т.е. на основании когнитивных принципов

пов. К тому же, как верно отмечает В. Н. Телия, «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую – антропоцентрическую интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т.е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия «масштабами» мира, его образами, эталонами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно-определенных стереотипов» (Телия, 1996). В качестве прототипических элементов концептуализации общих идей (топосов) в единицах языка в целом можно назвать его фразеологические средства, поэтому инсайт (вспышка ясности) в понимании текста или микротекста сводится к обнаружению того или иного фразеологизма (приравниванию к смыслу ФЕ), который в целом передает смысл фрагмента текста. Так фразеологические средства языка в целом можно отнести к прототипическим средствам, творчески используя теорию Э. Рош, разработанную для лексических средств языка. В этой связи и в самой системе фразеологических единиц существует прототипическое ядро ФЕ, которое включает в свой состав соматические элементы, - именно они представляют собой тот набор концептов и понятий, который наиболее хорошо знакомы человеку с самого момента его рождения, т.е. с исходных моментов онтогенеза личности. То обстоятельство, что соматические фразеологизмы образуются на основе наименований человеческого тела, объясняет появление достаточно большого количества эквивалентных соматических фразеологических единиц в разных языках (эквивалент – от позднелат. *aequivalens* – равнозначный, равноценный), в том числе в русском, литовском и французском языках. Более того, согласно А. Леонавичене, немало общности с точки зрения семантической структуры и выражения имеют не только соматические, но и природные или бытовые метафорические и другие фразеологизмы различных языков, т.к. одни и те же явления живой или неживой природы, те же реалии быта могут быть одинаково интерпретированы, схоже метафоризированы носителями разных языков (Leonavičienė, 2006). Традиционные фразеологизмы и идиомы, чаще всего соматические, обычно представляются в одной окостеневшей форме, хотя некоторые их элементы меняются в зависимости от контекста (Marcinkevičienė, 2001).

Тем не менее, как верно отмечает В. Г. Гак «...даже в пределах аналогичной лексики разные языки по-разному используют слова с одинаковым значением. Во французском языке относительно больше фразеологизмов со словами, обозначающими цвет и части тела: *une peur bleue, voir rouge, une nuit blanche; broyer le noir; agir sous main; crier à tue-tête* и многие другие, переводящиеся на русский язык со словами других семантических групп. В пределах одной и той же группы во фразеологии разных языков актуализируются различные слова, например, числительное *quatre* больше употребляется во французской фразеологии, чем *четыре* – в русской; иногда различия в лексическом составе сходных по значению фразеологизмов русского

языка объясняются тем, что слова, аналогичные по своему основному значению, в двух языках имеют разный объем значения. Так, слово *eau* обозначает не только воду, но и жидкость человеческого организма, вследствие чего оно употребляется в выражениях: *être tout en eau* – быть в поту («в мыле»); *cela fait venir l'eau à la bouche* – от этого слюнки текут» (Гак, 2010). Кроме того, совпадение переводных эквивалентов свидетельствует о том, что выбор несвободного компонента определяется реализацией каких-то семантических потенциалов прямого значения слова, что подтверждается тем, что в других языках, где семантика переводов этого слова близка, реализовались те же семантические потенциалы. Можно предположить, что понимание нового сочетания облегчалось ролью этих компонентов в образовании семантики сочетания в целом, а, следовательно – такой вариант оказывался предпочтительнее, чем сочетание с другим словом. Однако влияние узуса, как нередко случайного фактора, тоже нельзя сбрасывать со счетов (Борисова, Кицей, 2007). Кроме того, чем конкретнее слово, чем больше компонентов значений оно содержит, тем сложнее найти в другом языке соответствующее слово с таким же количеством и качеством компонентов (Marcinkevičienė, 1996). Фразеологизмы с тождественной семантической структурой и выражением могут появиться в языке спонтанно и через заимствование, поэтому очень сложно определить, которые фразеологизмы являются собственными, а которые переводные, особенно в тех случаях, когда они употребляются во многих языках (Leonavičienė, 2006). Согласно верному замечанию Й. Паулаускаса опровергать употребление заимствований во фразеологизме, значило бы осуждение эмоционального выражения мыслей (Paulauskas, 2001).

Таким образом, в нашем исследовании мы исходим из того, что ментально-концептуальная система, состоящая из лингвокультуроцептов, является ядром, которая структурирует менталитет национального языка в целом. В этой связи фразеологические микрополя, связанные с концептом «тело», признаются нами центральными прототипическими элементами, порождающими соответствующие лексические поля в национальном корпусе лексики русского языка. Данное обстоятельство делает особо актуальным изучение фразеологических тематических подсистем (фразеополей), концептуализирующих лингвокультуроцепт «тело».

Как указывалось выше, концептуализация окружающей среды отражается в ФЕ лингвокультуроцепта «тела», как в русском, так и литовском и французском языках. Более того, метафоризированными аналогами физического состояния человека, описываемыми при помощи соматических ощущений (через лингвокультуроцепт «тело»), являются эмоции, которые базируются на лингвокультуроцепте «душа». Тем не менее, концептуализация и лингвистическое отражение в виде ФЕ (фразеорефлексия) объективной реальности происходит преимущественно по схемам и лекалам тела человека, реже животного, еще реже «тела» растения, поскольку понимание так оязыковленных реалий представляется человеку наиболее легким

и полным (*нос корабля, крыло здания* и т.д.). В данном направлении исследования нами выделяется фразеополе «внешний мир через тело человека», которое включает в себя микрополя: *голова (волосы, ухо, лицо, лоб, глаз, нос, усы, борода, рот, зуб, язык); шея (горло, глотка); туловище (плечи, рука, пальцы, живот (брюхо), пуп, бок, спина); ноги (нога, пятки, колено); внутренние органы (кишки, печень, жилы, мускулы*. При этом важно подчеркнуть, что очень широко осуществляется перенос значения соматизма, который образует соматическая фразеологическая единица (далее СФЕ).

Человек довольно часто концептуализирует окружающую действительность, а также самого себя в СФЕ через тело, а именно – в «соотношении» с органом определенной части (области) тела. Поэтому мы выделяем не только «области» тела, но и соответствующие этой области органы в соотношении «человек – область тела – орган (тела)». В соответствии с этим дальнейшее изложение представляет собой проекцию описания фразеополя «внешний мир через тело человека».

Так, например, область головы «физической» в целом метафоризируется в таких фразеологических единицах, как: «*Думать головой*», «*Голова варит*», «*Сколько голов, столько умов*», «*Без царя в голове*» и др., в таком понимании голова является органом интеллектуальной деятельности, управляющим человеком. Предполагаемое поле ФЕ, связанных с умом и головой может быть построено по линии «Ум – полуум – не-ум». Центральной сферой данного поля является микрополе соматических фразеологизмов (далее СФ), характеризующих человека как умного: «*Светлая голова*» (лит. соотв. “*Gera galva*”; франц. соотв. «*Bel esprit*»); «*У него не голова, а Дворец Советов*»; «*О двух головах*»; «*Семи пядей во лбу*»; «*Голова варит*» (лит. соотв. “*Galva dirba*”); «*С головой*» (франц. соотв. «*De tête*»); «*Иметь голову на плечах*» (франц. соотв. «*Avoir la tête sur les épaules*») и др. Примечательно, что вполне употребительный СФ «*Голова работает*» не отмечен в русских словарях. Затем к СФ, характеризующим человека как «неумного» относятся такие единицы, как: «*Плохая голова*» (франц. соотв. «*Avoir mauvaise tête*»); «*Временная голова*» (франц. соотв. «*Tête de linotte*»); «*Дурья голова*» (франц. соотв. «*Tête d’œuf*») и др.

Поле соматических фразеологизмов, связанных с человеческим ухом, включает в себя, как минимум, два микрополя: основное связано со слуховой модальностью человека, т.е. его способностью воспринимать информацию, а также с ухом как физическим органом, способным испытывать боль.

В первое из выше обозначенных микрополей входят выражения типа: «*Все уши прожужжать/прогудеть*» (лит. соотв. „*Ausis išzyzti/ išūžti/ išzurzti/ praužėti/ praužti/ prazyzti/ užūžti/ užzyzti*“; франц. соотв. «*Casser (rabattre/corner/rompre) les oreilles à qn*»); «*Ухо режет*»/ «*Резать ухо (слух)*» (лит. соотв. „*Ausys plyšta*“; франц. соотв. «*Ecorcher les oreilles*»); «*У стен есть уши*» (лит. соотв. „*Sienos turi ausis*“; франц. соотв. «*Les murs ont des oreilles*»); «*Слушать одним ухом*» (лит. соотв. „*Viena ausimi (klausyti)*“; франц. соотв. «*Ecouter d’une oreille*»); «*В одно ухо влетело – в другое вы-*

летело» (лит. соотв. „*Pro vieną ausį įėjo, pro kitą išėjo*“; франц. соотв. «*Entrer par une oreille et sortir par l'autre*») и др.

Второе микрополе мотивировано физическим состоянием ушей, за которые можно вести, которые могут испытывать боль, торчать излишне и т.д. В число СФ, входящих в данное микрополе, включаются такие единицы, как: «*[Все] уши оборву (кому-л.)*»; «*Тащитъ/тянуть... за уши (кого-л.)*» (лит. соотв. „*Tempti už ausų*“); «*Притягивать/ притянуть за уши*» и т.д. Следует отметить, что данное микрополе отсутствует во французском языке, т.к. «ухо» в значении физического состояния в составе СФ в данном языке не употребляется.

Поле соматических фразеологизмов с лексемой «глаза» является самой многочисленной и включает в себя два микрополя: 1. микрополе физического восприятия информации посредством зрения; 2. Микрополе метафорического понимания лексемы «глаз/глаза».

В состав первого микрополя войдут такие выражения, как: «*Есть глазами*» (лит. соотв. „*Valgyti akimis*“; франц. соотв. «*Manger des yeux*»); «*Бить по глазам*» (лит. соотв. „*Akį režti*“/ „*Į akis kirsti*“; франц. соотв. «*Frapper les yeux*»); «*Высмотреть все глаза*» (лит. соотв. „*Akys ištyso bežiūrint*“); «*Гляди глазами*» (лит. соотв. „*Abiem akimis žiūrėti*“/ „*Akių pasiklausk*“); «*Краем глаза*» (лит. соотв. „*Viena akim*“; франц. соотв. «*Regarder du coin d'œil*»); «*Поднимать/поднять глаза*» (лит. соотв. „*Akis mesti (mestelėti)*“; франц. соотв. «*Lever les yeux sur qqn*»); «*Стрельнуть глазами*» (лит. соотв. „*Akį mesti*“; франц. соотв. «*Jeter un coup d'œil*»); «*Бросаться в глаза*» (лит. соотв. „*Kristi į akis*“; франц. соотв. «*Sauter aux yeux*»); «*Водить глазами*» (лит. соотв. „*Akimis vedžioti*“); «*Впиваться глазами*» (лит. соотв. „*Akimis įsisiurbti*“); «*Глядеть в глаза*»/«*Смотреть в глаза*» (лит. соотв. „*Žiūrėti į akis*“; франц. соотв. «*Regarder qqn dans les yeux*»); «*Глядеть чужими глазами*» (лит. соотв. „*Svetimomis akimis žiūrėti*“; франц. соотв. «*Voir avec les yeux de qqn*»); «*Смотреть другими глазами*» (лит. соотв. „*Žiūrėti kitomis akimis*“; франц. соотв. «*Regarder qqn, qqch d'un autre œil*»); «*Сгинь с глаз*» (лит. соотв. „*Dink iš akių*“; франц. соотв. «*Ôtez-vous de devant mes yeux*»); «*Куда не кинешь глазом*»/ «*Куда ни кинь глазом*» (лит. соотв. „*Kur tik akys užmato*“/ „*Kur tik akį bežimesi*“); «*Исчезнуть из глаз*» (лит. соотв. „*Dingti iš akių*“ и др.

В состав второго микрополя, включающего метафорическое понимание лексемы «глаз/глаза», войдут такие СФ, как: «*Отводить/отвести глаза*» (лит. соотв. „*Akis nukreipti*“; франц. соотв. «*Tourner les yeux vers*»); «*Пускать пыль в глаза*» (лит. соотв. „*Į akis miglą leisti (dūmus pūsti)*“; франц. соотв. «*Jeter de la poudre aux yeux de qqn*»); «*С глазу на глаз*» (лит. соотв. „*Prie keturių akių*“; франц. соотв. «*Entre quatre yeux*»); «*Вырасти в глазах*» (лит. соотв. „*Akyse iškilti*“; франц. соотв. «*Grandir à vue d'œil*»); «*Глаза на лоб лезут*» (лит. соотв. „*Akys lenda iš kaktos*“/ „*Akis išvertė*“; франц. соотв. «*Ça fait sortir les yeux de la tête*»); «*Глаза разбегаются*» (лит. соотв. „*Akys verda*“); «*Глаза разогрелись*» (лит. соотв. „*Akys sužibo*“); «*Глазам больно*» (лит. соотв. „*Akys bijo*“); «*Потупить глаза*» (лит. соотв. „*Akis nuleisti*“); «*Строить глазки*» (лит. соотв.

„Akimis šaudyti“; франц. соотв. «Faire les yeux doux à qqn»); «Выплакать глаза» (лит. соотв. „Akis išverkti“; франц. соотв. «N’avoit plus que ses yeux pour pleurer»); «Глаза блестят» (лит. соотв. „Akys blizga“); «Для отвода глаз» (лит. соотв. „Dėl akių“); «Дурной глаз» (лит. соотв. „Pikta akis“; франц. соотв. «Mauvais œil»); «Замазать глаза» (лит. соотв. „Akis dumti“/ „Akis tuilinti“); «В глазах потемнело» (лит. соотв. „Akuse artemo“); «Стрелять глазами» (лит. соотв. „Akimis šaudyti“; франц. соотв. «Faire de l’œil à qqn»); «Хоть глаз коли» (лит. соотв. „Nors į akį durk“); «Мозолить глаза» (лит. соотв. „Lįsti į akis“); «Метаться в глазах» (лит. соотв. „Į akis kristi“); «На глаз» (лит. соотв. „Iš akies“; франц. соотв. «A vue d’œil»/ „Akį metus“); «Не смыкать глаз» (лит. соотв. „Akių nesudėti“; франц. соотв. «Ne pas pouvoir fermer l’œil de la nuit»); «Глаза горят» (лит. соотв. „Akys dega“); «Глаз набит» (лит. соотв. „Įgudusi akis“/ „Išmiklinta akis“); «Открыть глаза» (лит. соотв. „Atverti akis“; франц. соотв. «Ouvrir les yeux à qqn»); «Глаза слипаются» (лит. соотв. „Akys limpa“); «Искры из глаз посыпались» (лит. соотв. „Kibirkštis iš akių pasipylė“); «Колоть глаза» (лит. соотв. „Badyti akis“); «Ласкать глаз» (лит. соотв. „Akį glosto“); «Делать большие глаза» (лит. соотв. „Akis išsprogdinti“; франц. соотв. «Faire les yeux ronds/ouvrir de grands yeux»); «В глазах замутилось» (лит. соотв. „Akuse pažaliavo“); «В глазах рябит» (лит. соотв. „Akuse tavaruoja (raibsta)“); «Протереть глаза» (лит. соотв. «Akis prasikrapštyti/ prastrinti»/ „Akis atverti“); «Прятать глаза» (лит. соотв. „Akis sukti į šalį“/ „Neturėti kur akių dėti“); «Пуще глаза» (лит. соотв. „Kaip savo akį“); «Радовать глаза» (лит. соотв. „Akis džiuginti“; „Akis raganyti“); «Разуй глаза» (лит. соотв. „Akis atsikrapštyk“); «Расперять глаза» (лит. соотв. „Akys pamesti“); «С глаз долой» (лит. соотв. „Iš akių“); «С пьяных глаз» (лит. соотв. „Akis užsipylęs“); «У семи нянек дитя без глазу» (лит. соотв. „Tarp trijų auklių vaikas be galvos“); «Ускользать/ускользнуть от глаз (сгинь с глаз)» (лит. соотв. „Dingti iš akių (išnykti)“); «Хлопать глазами» (лит. соотв. „Akis vartyti“; франц. соотв. «ciller les yeux»); «Щупать глазами» (лит. соотв. „Vedžioti akimis“); «Закрывать глаза на веки» (лит. соотв. „Akis užmerkti amžiams (amžinai)“; франц. соотв. «Fermer les yeux à qqn»); «Не верить своим глазам» (лит. соотв. „Savo akimis ne[ra]tikėti“; франц. соотв. «Ne pas en croire ses yeux»); «Не отрывать глаз» (лит. соотв. „Neatitraukti akių, akių nenuplėšti“; франц. соотв. «Avoir/tenir qqn à l’œil»); «Не показывать глаз» (лит. соотв. „Akių nerodyti“); «Одним глазом» (лит. соотв. „Viena akimi“; франц. соотв. «Ne voir que d’un œil»); «Перед глазами» (лит. соотв. „Prieš akis“); «Плюнуть в глаза» (лит. соотв. „Spjauti į akis“); «Провожать/проводить глазами» (лит. соотв. „Akimis lydėti“); «Продирать (протирасть)/продрать глаза» (лит. соотв. „Akis praplėšti (prakrapštyti, prastrinti)“); «Ради прекрасных глаз» (лит. соотв. „Už gražias akis“; франц. соотв. «Pour les beaux yeux de qqn») и многие др.

Фразеологическое поле, включающие в качестве доминанты соматизм «нос», также может быть структурировано по принципу функции местоположения носа на лице человека и ее метафорического преобразования. Основное микрополе образуют СФ со значением расположения носа, а также частично с его обонятельной

функцией. К таковым относятся СФ типа: «Бросаться [ударять] в нос» (лит. соотв. „Nosį užimti (laužti, riesti, durti, sukti, kelti)“); «Себе под нос» (лит. соотв. „Po nosimi“); «Совать... под нос» (лит. соотв. „Po nosimi kišti“; франц. соотв. «Mettre qqch sous le nez de qqn»); «В нос» (лит. соотв. „Pro nosį“). Особыми СФ данного микрополя являются такие единицы, как: «Сыт, пьян и нос в табаке» (кто-л.); «Течет из носа в три ручья»; «С гулькин нос»; «Короче воробьиного носа», т.к. семантика данных СФ в литовском и французском языках передается посредством других фразеологических единиц, в состав которых не входит лексема «нос».

Второе микрополе СФ с метафоризированным представлением о носе включают в себя значительно большее количество выражений: «[И] носу/носа не казать.../показывать...» (лит. соотв. „Nosies nerodyti (nekišti)“); «Водить за нос» (лит. соотв. „Už nosies vedžioti“; франц. соотв. «Mener qqn par le bout du nez»); «На носу» (лит. соотв. „Ant nosies“); «Вешать нос <на квинту>» (лит. соотв. „Nosį nukabinti (pakabinti, nuleisti, pakarti)“; франц. соотв. «Baissier le nez»); «Воротить нос»/«Крутить носом» (лит. соотв. „Nosį sukti [į šoną, į šalį]“; франц. соотв. «Tordre le nez sur qqch»); «Высунуть нос» (лит. соотв. „Nosį iškišti“; франц. соотв. «Mettre le nez dehors»); «Держать нос по ветру» (франц. соотв. «Porter le nez au vent»); «Задирать нос» (лит. соотв. „Nosį [aukštai, aukšty] riesti“; франц. соотв. «Lever le nez sur qqch»); «Нос не дорос» (лит. соотв. „Ne kieno nosiai“); «Тыкать в нос» (лит. соотв. „Po nosimi kišti (kaišioti)“/„Nosį badyti“); «Совать нос» (лит. соотв. „Nosį (snapą) kišti (kaišioti) [kur nereikia]“; франц. соотв. «Fourrer/mettre son nez dans les affaires de qqn/mettre son nez partout»); «Утереть нос» (лит. соотв. „Nosį nušluostyti (nušnypšti, nusmaukti, nubraukti)“); «Умкнуть нос» (лит. соотв. „Nosį įbesti (įdurti, įkišti)“; франц. соотв. «Avoir toujours le nez dans, sur qqch»); «Из под самого носа» (лит. соотв. „Iš po [pat] nosies“); «Не видеть дальше своего носа» (лит. соотв. „Toliau savo nosies [galo] nematyti“; франц. соотв. «Ne pas voir plus loin que le bout de son nez»); «С носом оставить» (лит. соотв. „Ilgą nosį gauti“; франц. соотв. «Faire un pied de nez à quelqu'un»); «Клевать носом» (лит. соотв. „[nosimi] knapsėti“/„Kelius badyti nosimi“; франц. соотв. «Piquer du nez»); «Носом к носу» (лит. соотв. „Nosis į nosį“; франц. соотв. «Nez à nez»); «Под самым носом» (лит. соотв. „po [pat] nosimi“; франц. соотв. «Sur le nez de qqn»); «Ковырять в носу» (лит. соотв. „Nosį krapštyti“); «Кровь из носу» (франц. соотв. «Saigner du nez») и др..

Язык является основным органом в коммуникации человека, поэтому центральным микрополем СФ такого типа является система высказываний, передающих семантику говорения. К числу таких СФ относятся следующие: «Язык без костей» (лит. соотв. „Liežuvis be kaulų/ Su liežuviiu aptmeta ir ataudžia“); «Чесать языки» (лит. соотв. „Liežuvis galąsti (pinti)/ Liežuviais apkrauti/ Ant liežuvio valkioti – apkalbėti); «Чесать языком» (лит. соотв. „Liežuvį dilinti/ Liežuviiu belsti” – plerėti)/ «Давать волю языку»/ «Языком молоть/молотить»/ «Языком трепать/болтать» (лит. соотв. „Liežuvį aušinti (barškinti, blązginti, galąsti)“/ „Liežuviiu brūžinti“/ „Liežuvį leisti į darbą“); «Приходить на язык»/ «Попадать на язык» (лит. соотв. „Ant liežuvio pakliūti“); «Раз-

вязывать язык»/ «Распускать язык» (лит. соотв. „*Liežuvį atleisti (atrišti, minkštinti)*“; франц. соотв. «*Dépouier la langue à qqn*»); «Язык заплетается» (лит. соотв. „*Liežuvis neapsiverčia (rainiojasi)*“); «Язык плохо подвешен» (лит. соотв. „*Nejudrus (nemiklus) liežuvis*“); «Язык сломаешь» (лит. соотв. „*Liežuvis lūžta (kliūva)*“); «Проснется на язык»/ «Язык чешется» (лит. соотв. „*Liežuvį niežti (dilgina)*“/ „*Liežuvio galą panižo*“; франц. соотв. «*La langue lui démange*»); «Не сходит с языка» (лит. соотв. „*Nuo liežuvio [galo] nepieina*“). Особым является соматический фразеологизм «Русским языком говорить», который наблюдается только в русской фразеологии.

Ко второму микрополю, связанному с молчанием или отказом/ запретом говорить, относятся СФ типа: «Держать язык на привязи»/ «Держать язык за зубами» (лит. соотв. „*Liežuvį laikyti prikandus (užkandus, už dantų)*“; франц. соотв. «*Tenir sa langue*»); «Придержать язык» (лит. соотв. „*Liežuvį priturėti*“; франц. соотв. «*Tenir sa langue*»)/ «Прикусить язык» (лит. соотв. „*Liežuvį prikąsti*“; франц. соотв. «*Se mordre la langue*»); «Проглотить язык» (лит. соотв. „*Liežuvį praryti (nusikąsti, pamiršti)*“; франц. соотв. «*Avaler sa langue*»); «Отсохни у меня язык»/ «Связывать язык» (лит. соотв. „*Liežuvį užrišti (sukaustyti)*“; франц. соотв. «*Nouer la langue à qqn*»); «Тунун тебе на язык» (франц. соотв. «*Puisses-tu avaler ta langue!*»); «Язык отнялся» (лит. соотв. „*Liežuvis kuolu atsistojo*“; франц. соотв. «*Tu as mangé ta langue?*»); «Язык прилип к гортани» (лит. соотв. „*Liežuvį prilipo (pridžiūvo) prie gomurio*“/ „*Liežuvis sustingo*“); «Вертится на языке» (лит. соотв. „*Liežuvis magą pasakyti*“; франц. соотв. «*Avoir qch sur le bout de la langue*»); «Тянуть за язык» (лит. соотв. „*Už liežuvio [ra]traukti ([ra]tempti)*“); «Укоротить язык» (лит. соотв. „*Per liežuvį taukštelėti*“); «Язык не поворачивается» (лит. соотв. „*Liežuvis neapsiverčia (sakyti, klausti)*“/ „*Liežuvis neklauso*“); «Наступать на язык» (лит. соотв. „*Liežuvį priminti (prignybti)*“).

Третье микрополе, включающее в себя соматизм «язык» образуют немногочисленные СФ со значением характеристики, качества человека, любящего (или не любящего) поговорить, включая остроумные речи: «Длинный язык» (лит. соотв. „*Ilgas liežuvis*“); «Злые языки» (лит. соотв. „*Piktas (ilgas, aštrus) liežuvis*“/ „*Gyvate gelia skaudžiai, pikto žmogaus liežuvis dar skaudžiau*“; франц. соотв. «*Avoir une langue de serpent*»); «Язык хорошо подвешен» (лит. соотв. „*Liežuvis gerai pakaustytas*“/ „*Liežuvis kaip su spyruoklėmis*“/ „*Turi gerą liežuvį*“; франц. соотв. «*La langue bien pendue*»); «Остер на язык»/ «Острый язык» (лит. соотв. „*Aštrus liežuvis*“); «Боек на язык» (лит. соотв. „*Liežuvis [gerai] dirba (audžia, mala, sukasi)*“/ „*Gerą (lankstų) liežuvį turi*“).

В силу малочисленности не образуют микрополе такие фразеологические уникалии, как: «Эзопов язык» (франц. соотв. «*La langue d'Esopé*»); «Высунув язык»/ «Как за язык повешен» (лит. соотв. „*Liežuvį iškišus (iškorus)*“); «Находить общий язык» (лит. соотв. „*Rasti bendrą kalbą*“) vs. «говорить на разных языках» - и совсем в особом значении «Как корова языком слизала».

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в соматической идиоматике, несомненно, фиксируются системы состояния человека, которые он понимает через свое тело. Более того, почти все соматические фразеологизмы, включающие в себя определенный орган тела, характеризуются переносным значением данного соматизма (метонимическим или метафорическим), реже – прямым значением. Кроме того, соотношение тела с культурой, его роль в познавательной деятельности вызывает особый интерес к языковой фиксации испытаний человеческого тела. «Тело наше, – пишет Бергсон, – является только частью, непрестанно возрождающегося нашего воображения, частью всегда присущей или, вернее, проходящей в каждой минуте» (Bakke, 2000). Так, одним из основных принципов образования соматических фразеологизмов является чувственно-рациональный принцип. В связи с этим соматизмы в лексических системах являются особыми единицами, которые составляют подсистему фразеологии и тем самым являются важным средством формирования языковой картины мира.

Проведенный анализ свидетельствует, что концептуализация, т.е. ментальное структурирование объективной реальности, происходит преимущественно по схемам и лекалам тела человека, реже животного, еще реже «тела» растения, поскольку понимание так оязыковленных (воплощенных в языковых единицах – в нашем исследовании в СФЕ) реалий окружающего мира представляется человеку наиболее легким и полным. Именно через соматические лексемы происходит понимание явлений мира, которые уподобляются в ФЕ элементам тела человека, которое сам человек познает очень хорошо с самого раннего детства. Поэтому концептуализация окружающей действительности реализуется не только через «области» тела, но и соответствующие этой области органы в соотношении «человек - область тела - орган (тела)». В этой связи фразеологические микрополя, связанные с концептом «тело», признаются нами центральными прототипическими элементами, порождающими соответствующие лексические поля в национальном корпусе лексики не только русского языка, но и литовского и французского языков.

Необходимо также отметить, что одной из главных черт фразеологизмов является своеобразие их лексического состава, которое свойственно как русскому, так и литовскому, французскому и др. языкам. Фразеологический словарь, как известно, включает меньше лексических единиц, нежели общий лексический инвентарь языка. Кроме того, проведенное исследование подтверждает, что с одними словами образуется огромное количество фразеологических единиц, с другими же – лишь несколько, поэтому часто мы не находим полных соответствий в сопоставляемых языках. К тому же в некоторых фразеологизмах встречаются заимствованные соматизмы. В связи с этим при фоновом сопоставлении языков выявляется не только эквивалентность / безэквивалентность ФЕ, но также своеобразие компо-

нентной сочетаемости ФЕ. Важно подчеркнуть, что при фоновом сопоставлении языков выявляются не только базовые лингвокультуроцепты концептуализации мира, но и те различия, которые являются индивидуальными для определенного языка, тем самым, образуя пласт языковых трудностей, как при межъязыковой и межкультурной коммуникации, так и для восприятия мира в целом. Поэтому проблема понимания окружающей действительности является одной из наиболее актуальных, особенно в свете межкультурной коммуникации и лингвокультурологической методики преподавания русского языка как иностранного. К тому же, именно фразеология (идиоматика) образует своеобразный идиоэтнический пласт понимания (интерпретации) другой (чужой) культуры. Как верно отмечает О.В. Евтушенко, «историко-культурный шлейф складывается из фрагментов знаний о прежних реальных воплощениях концепта, его языковым отражением служат историзмы и некоторые прецедентные имена... немалую часть паремий можно отнести к регулярной зоне историко-культурного шлейфа» (Евтушенко, 2010).

Эти знания или же представления, получаемые через понимание фразеологии (идиоматики), придают культуре каждого народа самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой. Этническая окраска передается и на уровне полного понимания (интерпретация высказываний и соматизматических фразеологизмов (СФ)), и на уровне неполного (приблизительного) понимания при интерпретации фразеологических единиц (ФЕ).

Литература

- Bakke, M. (2000). *Ciało otwarte: filozoficzne reinterpretacje kulturowych wizji cielesności*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii UAM.
- Beliakov, V. (2013). *Dictionnaire russe-français des expressions phraséologiques*. Paris: Broché.
- Drotvinas, V. (2009). Iš frazeologizmo žodžio neišmesi. Prieiga per internetą http://www.lki.lt/LKI_LT/images/Periodiniai_leidiniai/Kalbos_kultura/Straipsniai/082/KK_82_Vincentas_Drotvinas.pdf
- Gak, V. (2006). *Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe*. Moscou: Rousski Yazik.
- Hordy, M. (2007). Symbol we frazeologii somatycznej. *Nomen est omen. Zeichen und An-Zeichen in den slawischen Sprachen. Festschrift für Manfred Niemeyer zum 60. Geburtstag*. Hrsg. H. Walter, Greifswald, 30–34.
- Le petit Larousse illustré*. (2007). Paris: Larousse.
- Leonavičienė, A. (2006). *Lingvistikos ir meno sandūroje*. Šiuolaikinių lietuvių novelių vertimai į prancūzų kalbą. Prieiga per internetą <http://archive.minfolit.lt/arch/9501/9816.pdf>
- Lipskienė, J. (1979). *Lietuvių kalbos somatiniai posakiai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Lipskienė, J. (2008). *Vaizdingieji lietuvių kalbos posakiai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

- Marcinkevičienė, R. (1996). Tarp Scilės ir Charibdės (Originalo kalbos įtaka vertimui). *Darbai ir dienos*, 2 (11), 67–78.
- Marcinkevičienė, R. (2001). *Tradicinė frazeologija ir kiti substabarėję kalbos vienetai*. Prieiga per internetą <http://donelaitis.vdu.lt/publikacijos/pastovieji.pdf>
- Naktinienė, G., Paulauskas, J., Petrokienė, R., Vitkauskas, V., Zabarskaitė, J. (2005). *Lietuvių kalbos žodynas*. Prieiga per internetą <http://www.lkzd.lki.lt/Zodynas/Visas.asp>.
- Paulauskas, J. (atsak. red.) (2001). *Frazeologijos žodynas*. 1-asis leid. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Ripert, P. (2001). *Dictons, proverbes et maximes*. Paris: Maxi-Poche.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2009). *Объяснительный словарь русской фразеологии*. Москва: Эксмо-пресс.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (1998). *Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Борисова, Е. Г., Кицей, Е. Н. (2007). Системность и узус в устойчивых сочетаниях. III *Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность*. Москва: МГУ, 162.
- Воробьев, В. В. (2008). *Лингвокультурология. Монография*. Москва: Изд-во: РУДН.
- Гак, В. Г. (2010). *Сравнительная типология французского и русского языков*. Изд. 4-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРКОМ».
- Горды, М. (2002). *Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков. Слово. Фраза. Текст*. Москва: Языки славянской культуры.
- Евтушенко, О. В. (2010). *Художественная речь как инструмент познания*. Москва: Языки славянской культуры.
- Зимин, В. И. (2006). *Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь*. Изд. 3-е, стереотипное. Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд.
- Лайонз, Дж. (2010). *Введение в теоретическую лингвистику*. Пер. с англ. Изд. 2. Серия 'Лингвистическое наследие XX века'. Изд.: Едиториал УРСС.
- Молотков, А. И. (1986). *Фраzeологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник.
- Караулов, Ю. Н. (1987, 2007). *Русский язык и языковая личность*. Изд. 6-е. Москва: Издательство ЛКИ.
- Киров, Е. Ф., Русецкая Й. Я. (2012). Концепты «душа», «тело» во фразеологических единицах русского языка (с привлечением литовских параллелей). *Вестник МГПУ: науч. журнал, серия «Филологическое образование»*, 1 (8), 8 – 17.
- Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты*. Москва: Наука.

The Body as a Kind of Filter of Somatic Metaphors (Based on the Russian, Lithuanian and French Languages)

Rasa Matonienė¹, Jovita Ruseckaja²

¹ Lithuanian University of Educational Sciences, Faculty of Philology, Department of French Philology and Didactics, Str. Studentų 39, LT-08106 Vilnius, rasa.matoniene@leu.lt

² Lithuanian University of Educational Sciences, Faculty of Philology, Department of Russian Philology and Intercultural Communication, Str. Studentų 39, LT-08106 Vilnius, jovita.ruseckaja@leu.lt

---

Summary

The article focuses on peculiarities of conceptualisation of somatisms phraseological field of the lingua-cultural concept “body”, concentrating namely on somatic phraseologisms containing such components as “head”, “ear”, “eye”, “nose”, “tongue” (i.e., the main perceptive organs of the surrounding environment) and also referring to their equivalents in the Lithuanian and French languages.

The results of the analysis revealed that almost all the somatic phraseologisms, which contain the name of a certain part of the body, characterise the figurative (metonymical or metaphorical) meaning of the aforesaid somatism, whereas in rare cases, they were expressed in their direct meaning. Then conceptualisation, i.e., mental structurization of the objective reality occurs mainly following schemes and patterns of the human body, the body of an animal is employed less often and “the body” of a plant is even less frequently used, since representation of such realia of the surrounding world in linguistic units (in somatic phraseological units in this research) is seen by an individual as one of the easiest and most complete ways of perception. The understanding of world phenomena occurs namely through somatic linguistic units, which in phraseologisms converge with elements of human body, which are familiar to a human being since very childhood.

This knowledge or its representations, which are received through understanding of phraseology (idiomatics), adds originality to the culture of each nation and makes it possible to differentiate one culture from other ones.

Keywords: *somatisms, conceptualisation, phraseological field, microfield, Russian language, Lithuanian language, French language.*

Pateikta / Submitted 2014 09 16

Priimta / Accepted 2014 10 10